ПАВЕЛ МИХАЙЛЮК

ГОРЬКИЙ ХЛЕБ ОСТАРБАЙТЕРА

Павел Михайлюк

Горький хлеб остарбайтера

«Автор»
2026

Михайлюк П. П.

Горький хлеб остарбайтера / П. П. Михайлюк — «Автор», 2026

Долгие годы люди, прошедшие принудительные работы в Германии (остарбайтеры), молчали. Лишь в девяностые, когда немцы начали выплачивать компенсации, они заговорили — тихо, с глазу на глаз, доверяя то, что не рассказывали даже близким. Автор этой книги записал десятки таких историй и соединил их в единое повествование, где нет одного реального прототипа, но каждая деталь — правда. Одна хлебина на четверых, нашивка «OST», которую герой отказывается пришивать, газета «Der Untermensch» — «Недочеловек», замазанное слово «Flughafen» в арбайтсбухе — всё это собрано из подлинных воспоминаний.

© Михайлюк П. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Письмо 6
Глава вторая. Голод 8
Глава третья. Прыймак 10
Глава четвёртая. Москва'40 15
Глава пятая. Авиационное училище 18
Глава шестая. Железнодорожный техникум 21
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Павел Михайлюк
Горький хлеб остарбайтера

Пролог

Люди, прошедшие принудительные работы, долго молчали. Лишь в девяностые, когда немцы начали выплачивать компенсации тем, кто работал в Германии, они заговорили. Именно тогда я записал большинство этих историй. Люди рассказывали мне о тяготах и лишениях, которые им довелось пережить. Я слушал, записывал их воспоминания, бытовые детали. Когда материала накопилось много, я решил оформить его в виде художественной книги.

В ней нет одного реального прототипа: я соединил рассказы разных людей в единую историю, чтобы изложение было более плавным. Так что не стоит воспринимать эту книгу как жизнеописание конкретного человека. Однако все истории, приведённые в ней, записаны мной со слов реальных людей. Вряд ли они заинтересуют крупных историков, но человеку, интересующемуся бытом того времени, возможно покажутся любопытными.

Глава первая. Письмо

Утром я взял отцовский велосипед и поехал на почту.

Дорога после весны застыла горбылями, изрезанными следами колёс. На каждом горбе велосипед подпрыгивал так, что стучали зубы. Я гнал, чтобы тряска и ветер заглушили одно и то же: сегодня письма не будет.

Отца арестовали ровно год назад. За год мы получили от него два письма. Первое пришло почти сразу. Второе он сумел передать прохожему в Москве, на вокзале, когда их пересаживали. С тех пор мне казалось, что третье уже написано и лежит на почте: «Встречайте такого-то, я возвращаюсь».

Почта ютилась в маленькой душной комнате. На окнах висели выцветшие занавески, жужжали сонные мухи. За стойкой стояла Ольга Сергеевна. Обычно по её лицу я сразу понимал, что письма нет. В этот раз она сказала:

- Хорошо, что ты пришёл. Тебе письмо от отца. Ещё вчера пришло. Ты чего вчера не зашёл?

Я обрадовался и одновременно почувствовал вину: вчера я ходил на рыбалку и не зашёл на почту, хотя знал, что должны привезти почту из города.

Конверт был уже вскрыт. На почте всегда читали письма. Когда дядька Мусий служил в Архангельске, он прислал матери фотографию с боевыми товарищами за столом - они чокались рюмками. В ответном письме мать его отругала: Ольга Сергеевна видела эту фотографию, и теперь всё село будет знать, что он не служит, а пьянствует. Цензура писем на почте - дело обычное.

Я взял письмо, попрощался и вышел. Мне очень хотелось прочитать его, но я переборол себя, спрятал его в фуражку и помчался скорее домой. В одной руке у меня была палка, которую я подобрал по пути на почту. Палка всегда пригодится, особенно такая ровная и хорошая.

Когда я уже почти доехал до дома, на повороте я увидел бабу Ганну.

Неожиданно велосипед тряхнуло на кочке - палка соскочила и застряла между спицами переднего колеса. Колесо мгновенно остановилось, и велосипед резко затормозил. Я упал через руль, больно ударился ногой, ободрал колено. Встав, я припрыгнул, поджав ушибленную ногу, и зашипел от боли. Но, увидев, что баба Ганна смотрит на меня своими немигающими, внимательными чёрными глазами, сделал вид, что мне не больно.

В селе считали, что она ведьма. Целый день она ходила по селу, от одной хаты к другой, наговаривала на людей, ссорила соседей, разносила слухи. Все зарекались с ней общаться, но через какое-то время снова начинали: она часто бывала в городе и в соседних сёлах, много ходила по нашему селу и всегда была в курсе последних новостей и сплетен. Зачастую завиралась. Как-то раз она всем сказала, что у нас умерло молодое порося, и все проходившие по улице подходили к нам и сочувствовали. Но мы говорили, что с поросёнком всё нормально, некоторые даже заходили в сарай, чтобы убедиться.

Я подобрал упавшую фуражку и выпавшее из неё письмо. Оставшуюся часть пути мне пришлось пройти пешком, ведя велосипед руками: переднее колесо было погнуто восьмёркой, несколько спиц сломалось.

Мать, увидев меня, расстроилась и начала ругать:

- Это же тато тебе велосипед подарил, а ты его не бережёшь!

Тут я вспомнил про письмо. Пока я ехал, я мечтал о том, как лихо въеду через калитку, подниму над головой письмо и закричу: «Мама, письмо от папы!» К сожалению, получилось не так триумфально. Я отдал письмо матери.

- Ну, почитай нам, Мария, - сказала баба Ганна, вошедшая за мной во двор.

Радостный момент был сорван. Мать открыла письмо и стала читать вслух:

Здравствуйте, дорогие Мария и Андрей!

Я коммунист и остаюсь им. Я убеждён в правильности идей коммунизма. Идея равенства и братства стоит перед всеми людьми на Земле. Андрей, то, что произошло со мной, - ошибка, это не имеет никакого отношения к победному шествию коммунизма по всему миру. Это не должно мешать тебе следовать идеалам коммунизма. Советская власть самая справедливая, при советской власти мы стали жить лучше, дети получили возможность учиться. Постарайся делами улучшить жизнь своей страны.

С пламенным пролетарским приветом, Петр.

Прочитав письмо, мы долго молчали.

Письмо показалось мне странным. Отец никогда так не говорил - так говорили на собраниях, так писали в газетах. Я знал его голос: насмешливый, живой, он умел сказать так, что все смеялись. А тут - будто он писал под диктовку.

Тишину нарушила баба Ганна:

- Последнее письмо, пропадёт он.

Мать начала возражать.

- Да он же прощается, разве не понятно? - спорила баба Ганна.

Мама молчала. Слёзы проступили на её лице, и она убежала в хату.

Баба Ганна подошла ко мне и сказала:

- Встань со ступенек, а то срака кашлять будет... Эх, бедный хлопчик!

С этими словами она протянула мне конфету.

Конфеты были редкостью в нашем селе: магазин был давно закрыт, к тому же они дорого стоили. Родители конфет не покупали. Баба Ганна часто ездила в Белую Церковь на базар торговать и привозила оттуда разные товары. Говорили, что у неё в сарае спрятан бидон золотых царских монет. Несколько раз лихие хлопцы лазали к ней в сарай ночью и перерывали там всё, но ничего так и не нашли.

Я взял конфету, поблагодарил и понёс её матери, чтобы хоть как-то её утешить. Баба Ганна ещё немного постояла во дворе и вышла на улицу.

Мать вышла во двор и бросила конфету собаке. Собака понюхала и не стала есть. Я был удивлён.

- Не бери у неё конфеты, она злая, иголку туда может положить, - прокомментировала свой поступок мама.

- Мама, а баба Ганна правду про отца сказала?

- Нет! Конечно нет! Он Первую мировую прошёл, гражданскую, от тифа чуть не умер, голод 1933-го пережил. Если уж такое выдержал - и оттуда выберется!

Она говорила это громко, будто спорила не с бабой Ганной, а с кем-то ещё.

Я помнил тот голод.

Глава вторая. Голод

В 1933 году мне было восемь лет.

Отец приехал из соседнего села в большой спешке. Он даже не завёл коня во двор - бросил у ворот, вбежал в хату, и я услышал, как в сенях стукнула о порог сбруя.

- Забирают, - сказал он с порога. - В соседних сёлах забирают все продукты.

- Кто забирает? - спросила мать.

- Животных мелких и крупных, всё забирают!

- Да кто забирает? - ещё раз, тревожно, спросила мать.

- Комиссары, - ответил отец.

Он рассыпал на чердаке просо в сичке - мелко нарезанной траве, которую обычно давали зимой свинье. Зарыл картошку в огороде. Я сидел на печи и думал, как выглядят эти злые комиссары, которые забирают у всех еду. Мне представлялись люди в чёрных кожухах, с лицами, как у бабы Ганны, - немигающими и страшными.

Уже вечером к нам пришёл дядько Василь и солдаты с винтовками и примкнутыми штыками. Они начали собирать всю еду, которую смогли найти, а кроме того, зачем-то забрали вилы и другие инструменты. Я сначала не понял, что это и есть те самые комиссары, потому что там были люди с нашего и соседних сёл. Дядько Василь здоровался с матерью, спрашивал про здоровье, а потом шёл в сарай и выносил оттуда мешки. Солдаты стояли во дворе и смотрели в сторону, будто им было неловко.

Когда они зашли на гору, то есть на чердак, то увидели просо, просыпанное с сичкой. Времени выбирать у них не было, и они оставили нам и просо, и сичку, которой мы и питались зимой.

Тогда же забрали пару коней, корову с телёнком. Забрали конную молотилку, сичкарню. Кузнечные инструменты отец спрятал, и его долго тягали за них. Наковальню и остальные инструменты он позже тайно продал в Белой Церкви на рынке через подставных людей, чтобы не узнали, что это его.

Когда запасы кончились, отец два раза ездил в Киев продавать мамино приданое. Первый раз очень удачно, привёз даже белого хлеба.

Я помню этот хлеб. Мать резала его тонко, как режут что-то драгоценное, и каждый кусок клала на ладонь, будто взвешивала. Мы ели его медленно, не глотая, а держа во рту, чтобы подольше чувствовать вкус. Крошки со стола она собирала в ладонь и ссыпала в рот - не выбрасывала ни одной.

А во второй раз мы ждали его возле поезда, но он приехал пустой. Сказал, что его на вокзале остановил милиционер, и когда узнал, что он из Киевской области, забрал у него два мешка хлеба, оставив только одну буханку. Буханку он положил на стол и долго на неё смотрел. Потом сказал:

- Ешьте. Я уже не хочу.

Мать не поверила. Я тоже не поверил. Но он не сел за стол. Он вышел во двор и стоял там, у сарая, спиной к хате, пока мы ели.

В нашем селе меньше народа умерло, так как рядом была железнодорожная станция. А вот в соседнем селе погибло много народа. Каждый день проезжала телега, и из хат выносили трупы. Многие уехали работать на Донбасс.

Больше всего мне запомнился эпизод, когда родителей не было дома и вдруг в окно кто-то постучал. Родители строго-настрого запретили мне открывать дверь, когда их не было дома, даже знакомым. Я выглянул в окно и увидел незнакомого мужчину. Он заметил меня и начал стучать в окно и звать меня. Я спрятался на чердаке.

Когда пришли родители, я первым делом рассказал им про незнакомого дядьку. Отец пошёл и нашёл его труп за сараем.

- Если бы пустил - неизвестно, что бы было, может, даже съел бы тебя, - прокомментировал отец.

Он сказал это спокойно, без злости. И от этого спокойствия мне стало страшнее, чем от самого трупа.

Голод кончился, отец ушёл работать в школу к матери, она там работала учительницей. Сначала он был избачом - культработником, заведующим избой-читальней, - и постепенно дослужился до директора школы. В школе его любили и уважали. Он был строгий, требовательный, но справедливый. После того как отец стал директором, дела у нас пошли в гору. Мы даже построили во дворе новую хату.

Потом в школу начали приходить разные проверки. Постоянно выносили ему замечания: то забор не покрашен, то в столовой еда плохая, то учителей не хватает, а среди тех, кто есть, недостаточно партийных.

Однажды домой пришли с обыском. Что-то долго искали, перевернули весь дом. На вопрос, что ищут, не отвечали. В конце концов признались, что есть донос о том, что он не сдал оружие и готовит восстание против советской власти. Отец всё отрицал, из оружия нашли только старый штык. Но отца всё равно забрали.

Позже мы узнали, что донос на отца написал Панас, желавший занять его должность. У него был родственник в НКВД, который и посоветовал ему это. Так Панас занял место отца - сначала на работе, а потом и в нашем доме.

Глава третья. Прыймак

Панас был типичным горожанином и раньше жил в Киеве.

Что у него там случилось, никто точно не знал. Баба Ганна говорила, что он бывший партийный деятель, попал в какую-то нехорошую историю с деньгами, многих посадили, до него не дошло, но на всякий случай он решил уехать подальше от правосудия. Он приехал к нам в село и устроился счетоводом в колхозе, но отношения с главой колхоза у него не складывались, и отец позвал его работать в школу учителем. После ареста отца он занял его должность.

Территория школы была очень большой. Раньше это была усадьба богатой дворянки, которой принадлежали все близлежащие сёла. Вокруг школы раскинулся огромный фруктовый сад, а в конце сада стояла учительская хата. Это была старая мазанка, обложенная пуками камыша, с соломенной крышей. Ни огорода, ни какого-либо хозяйства держать там было невозможно. Домик был старый, мебели почти не было, требовался ремонт. Из преимуществ - близко идти в школу да свободный доступ в сад.

Панас мне не нравился.

Мой отец был строгий, требовательный, но справедливый. Панас был полной его противоположностью: в лицо всегда лебезил, был вежливым до приторности, а за спиной всех сорил, распускал слухи, подставлял. Он умел ждать, умел давить, умел быть незаметным, пока не придёт его время. И если он чего-то хотел - он всегда добивался своего.

На уроках он часто издевался над детьми.

Например, даст задание - напишите письмо другу в соседнее село. А потом читает перед всем классом и высмеивает:

- «В первых строках моего письма»... А что во вторых строках? «Погода у нас...» Зачем про погоду? У нас что, другая погода? У нас снег, а в соседнем селе, что ли, дождь?

Дети смеялись. Он ждал, пока смех стихнет, и продолжал читать, растягивая слова, будто пробуя их на вкус. Я сидел на задней парте и смотрел на него. У него были маленькие, аккуратные руки, и он всё время что-то вертел в пальцах - карандаш, бумажку, пуговицу. Никогда не оставлял руки без дела.

У него была дочь Оля, она училась в классе у моей мамы. Оля была болезненной девочкой, всегда одетой с иголочки. Зимой она ходила в белой шубке и шапочке. Остальные дети ходили в сапогах и платках. Оля ходила обедать в столовую, а остальные носили в газете запечённую тыкву или сладкую свеклу, так как денег для обеда в столовой хватало не всем. В перерыве они ели и пачкались сажей из печи, которой были измазаны овощи. Она же была всегда чистая, аккуратная, тихая, вежливая и очень хорошо училась.

У неё был детский кожаный портфель, а все остальные носили книги стопкой, перевязанной верёвочкой, а чернильницу-непроливайку несли просто в руке. За всё это её не любили в классе ни мальчики, ни девочки. Особенно лютовали два парня из её класса: заставляли носить их стопки книг, вытирали сапоги её белой шапочкой и при всяком удобном случае поджидали её после школы, чтобы поиздеваться. Зная это, мама закрывала их в классе после урока, чтобы Оля успевала добежать до дома. Но она не всегда успевала - иногда они её догоняли, дёргали за косички, рвали платье, кидались репейником или снежками - по времени года. Как-то мама подстерегла их в кустах с розгой и дала по жопе. После этого они перестали её задирать.

Оля очень любила мою маму, а мама любила её. Она часто говорила, что если бы у неё была дочка, она была бы очень довольна: дочка помогала бы ей по дому, а вечером читала бы книжку, пока мама вяжет или шьёт.

После того как забрали папу, Панас начал навязываться маме, но она не соглашалась, ждала мужа.

Баба Ганна говорила:

- Напрасно ты его ждёшь, нет его уже в живых, а тут хороший мужик пропадает. Не дело это бабе без мужика, да и за девочкой надо бы приглядеть.

- Я подумаю, - отвечала мама.

- Подумай, дурень думкою богатие.

Я продолжал ходить на почту, но писем больше не было. Потом мать написала запрос - один, другой, третий. Ответа не было ни из Киева, ни из Москвы. Только тишина, глухая, страшная тишина, которая говорила громче любых слов.

Стало понятно, что отца нет. Что его расстреляли. Что он никогда не вернётся.

Мать не плакала. Она просто стала другой - тихой, молчаливой, с потухшими глазами. Она ещё ходила на работу, готовила, стирала, но всё это делала как-то механически, будто во сне. Я видел, как она по ночам сидит у окна и смотрит в темноту.

Панас стал наведываться к нам домой, сначала редко, потом всё чаще. Приносил то муку, то сахар, то просто садился за стол и говорил, говорил, говорил. Мать слушала. Он был терпеливый - умел ждать. Он не давил. Просто был рядом. И однажды она сдалась. Не от любви. От усталости. От одиночества.

Мама считала, что мне нужен отец, а Оле нужна мать. И, наверное, в этом было что-то, что свело их вместе. Это была не любовь, а сделка. Каждый получал то, чего не хватало. И каждый делал вид, что так и надо.

На нашем участке стояло два дома: один старый, покосившийся, и второй новый, который построил мой отец. В старом доме у нас была мастерская, в которой я с отцом зимой чинил наши инструменты, и сарай. При появлении Панаса меня отселили жить в старый дом, а Олю поселили в моей комнате.

Сначала я обиделся, но, пожив чуть в своём доме, понял, что там мне гораздо лучше. Во-первых, ко мне никто не заходил, я не особо следил за чистотой, и меня за это не ругали. Мама была чистюлей, и раньше мне часто попадало за грязные коврики, за вовремя не принесённые дрова или воду. А тут было раздолье. Спал я на старой железной кровати. Изредка мать заходила ко мне поменять постельное бельё, вздыхала, качала головой, но ничего не говорила - чувствовала свою вину за то, что я оказался тут. А мне было хорошо.

Поначалу я ревновал маму к Оле, так как ей дозволялось больше, чем мне.

Например, когда в продаже появились авторучки-пипетницы - стоила она семнадцать рублей - Панас купил себе и маме такие ручки. Мама отдала свою ручку Оле. В школе их запрещали, но Оля была дочка директора, ей никто замечание не делал. Я завидовал ей очень сильно.

Как-то раз она пришла ко мне и протянула эту ручку.

- Бери!

- Да это же тебе подарили, - ответил я.

- Ребята на меня странно смотрят, это не по-пионерски. Я же вижу, что тебе она очень нравится.

Я взял ручку, заправил в неё чернила и попробовал писать.

- Спасибо! Я когда в первый класс пошёл, учитель нас спросил, кто умеет писать. А меня отец научил писать. Я подошёл к учительскому столу и начал писать дореволюционной каллиграфией, с нажимами и вензелями. Учитель засмеялся и сказал, что я с петухами пишу.

- А как это - с петухами? - спросила Оля.

Я взял перо и написал ей несколько слов, как научил меня отец. Оля попробовала писать так же, и у неё скоро тоже начало получаться. Она засмеялась.

- Хочешь, я полы у тебя помою? - предложила она.

- Не надо, знаю я, как ты полы моешь! - засмеялся я.

С мытьём полов у нас вышла смешная история. В летней кухне полы были мазаные, из глины. Их никто никогда не мыл, сверху бросали солому, а когда она становилась слишком

грязной, её просто меняли. Когда сам пол становился слишком грязным, его мазали разведённой в воде глиной поверх старого слоя, и когда подсыхало, снова бросали солому. Глину брали в конце села, копали в овраге. Обычно за ней ходил я.

Оля очень любила мою маму и хотела ей помочь. Придя на кухню и увидев, что пол уже слишком грязный, она собрала солому и, не зная, что дальше делать, так как она была городская девочка, взяла подсолнечное масло вместо глины и помазала им полы. Панас, увидев это, начал её ругать, но мама сказала:

- Не ругай её, она же не специально!

Затем погладила Олю по голове и сказала:

- Моя ты хозяюшка!

Вспомнив эту историю, Оля покраснела, слёзы начали выступать на её глазах. Мне стало жалко её, и я сказал:

- Ну если хочешь - помой, я не против.

С тех пор Оля часто приходила ко мне, мы подружились. Я помогал ей делать уроки, она убиралась в моей комнате. Раньше мы с мамой проводили вечера вместе: разговаривали, читали, играли в карты. Теперь же я большей частью сидел у себя один или с Олей. Я научил её играть в карты, шашки и домино.

Как-то Оля пришла ко мне с газетой и сказала:

- Хочешь, я тебе почитаю?

Я клеил модель самолёта и сказал:

- Давай.

Она прочитала такую заметку:

Это произошло несколько дней назад. На одной железнодорожной станции близ Киева пионеры Гриша Бородняк и Ваня Рыба увидели женщину. Она была бедно одета, шла прихрамывая, опираясь на палку, на спине несла большой мешок.

Женщина остановила идущего навстречу мальчика и стала его о чём-то расспрашивать.

Наблюдая за разговаривающими, ребята заметили, как женщина достала что-то из кармана и дала мальчику, затем, погладив его по голове, она продолжала свой путь.

Догнав мальчика, ребята увидели в его руке пятирублёвку.

- О чём тебя расспрашивала эта тётя? - спросили Гриша и Ваня мальчика.

- Спрашивала, как ближе в лес пройти, - ответил он.

- Неспроста это, - решили ребята и пошли следом за женщиной.

Скоро показался лес. Оглянувшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, женщина бросила палку в сторону и пошла быстрым шагом. Ребята не отставали. Перебегая от дерева к дереву, они наблюдали за ней.

Вскоре женщина скрылась в кустарнике. Затаив дыхание, Гриша и Ваня спрятались за большим деревом и продолжали за ней следить. Вдруг раздался звук, как будто по дереву стучал дятел. Ребята подползли ближе к кустарнику и увидели, что эта женщина что-то передаёт по радиостанции. Через несколько минут женщина двинулась дальше.

О женщине и радиостанции Гриша и Ваня сообщили соответствующим органам. Подозрительная женщина была задержана.

Я слушал и клеил. Потом сказал:

- Ну с радиопередатчиком это понятно, что шпион. А вот у нас в классе у Гриши отца забрали: он принёс мужикам магарыч и селёдку в газете. Развернул, а на газете портрет Сталина. Выпили они, закусили и молча разошлись. А через неделю забрали его за антисоветскую агитацию и шпионаж. Кто-то из своих же и настучал.

- Ты хочешь сказать, что в «Пионерской правде» неправду пишут? - загорячилась Оля.

- Нет, конечно, просто хочу сказать, что людей сейчас и за меньшее, чем радиоприёмник, могут как шпиона забрать. Стук летит быстрей, чем звук. Ты бы видела Гришкиного папку - низкий, худой, выпивоха, типичный работяга. Да он всю жизнь из нашего села не выбирался, он даже в Киеве никогда не был, какой из него шпион?

Оля надулась, сидела молча. Я продолжил:

- Васыль спросил учительницу на уроке, за что арестовали Гришкиного папку, а она заплакала и сказала: «Вам, ребята, нельзя серьёзные вещи обсуждать, вы ещё не зрелые, политически не грамотные». А на перемене Васыля поймал твой папка и сказал: «Ты, малец, язык-то попридержи». И Васыля дома отец выпорол - твой папка, видать, нажаловался. А утром нас училка построила во дворе и сказала: «Вы недостойны звания пионеров, вы позорите советскую Родину, она для вас старается, а вы? Тоже мне будущие строители коммунизма! Школа - это цитадель, а каждый учитель - сторож коммунистических интересов!» И в таком духе два урока говорила. А вечером её кто-то с моста толкнул в реку.

- Мой папа - хороший, это твой Васыль плохой! - закричала Оля и ушла к себе.

В селе таких, как Панас, называли прыймаками - мужчинами без своего хозяйства, которые жили у женщины, в её доме. Слово это произносили с усмешкой, но не зло. «Прыймак - он и есть прыймак, что с него взять», - подумал я, но вслух ничего не сказал.

После этого она долго ко мне не ходила. Но однажды она сильно заболела, у неё поднялась температура, и её положили у меня. Её пришла навестить мама.

- Расскажи сказку! - попросила Оля.

- Курочку Рябу знаешь? - спросила мама уставшим голосом.

- Да.

- Ну вот, считай, рассказала.

Когда Оля выздоровела, мама устроила обед в её честь. В выходной день - до 1940 года выходной был каждый шестой день: 6, 12, 18, 24, 30 - мама пекла хлеб на всю неделю, а мы с Олей ей помогали. В этот раз она купила белого хлеба в магазине в Белой Церкви. Обычно в магазине мы покупали сахар-песок, соль, спички, остальное было своё. В этот раз мама купила даже конфет.

- Представляешь, Васыль, зять бабы Ганны, через год как стал жить с её Катарыной, привёл свою первую жену и лёг с ней на кровати, а ту положил на лежанке - и она с лежанки ночью бросила в них камень! - рассказала мама.

- Катарына, видчини, я принис горилки, в тебе нема чоловика, в мене нема жинки! - спела Оля. - Это в классе меня научили! - похвалилась она.

- Да уж, ведьма эта Катарына, такая же, как баба Ганна! - засмеялся Панас.

- А почему бабу Ганну ведьмой считают? - спросила Оля.

- Потому что она пьёт кровь кукушки, - ответил я.

- Откуда ты это знаешь?

- Кто кровь кукушки пьёт - тот колдовством занимается. А Мыкола у неё на куче навоза видел мёртвых кукушек.

- Так может, она просто нашла их и бросила на перегной.

- Сразу двоих?

Повисла пауза.

- Во времена Древней Руси людей отучали верить в Перуна и других богов, но даже после принятия православия многие ещё долго ходили в лес ему поклоняться. А сейчас после запрета церкви люди всё равно ходят крестить детей, сами крестятся и божатся, суеверия непобедимы! - сказал Панас.

- А баба Ганна может заживо отпеть в церкви, и ты умрёшь! - дразнил я Олю.

- Хорошо, что её снесли, теперь не сможет! - отвечала Оля.

В нашем селе недавно был митинг, во время которого снесли церковь со словами: «Колокола - на индустриализацию!», «Закрыть дом мракобесия!» Мы с Олей ходили смотреть.

- Так она на картах наговорить на тебя сможет! - продолжил я.

Оля заплакала. Мама стала её утешать и укоризненно на меня посмотрела. Панас мне ничего не сказал. Я начал вспоминать, как на луках прятался от дождя с отцом под низким навесом, а когда пришли домой, оказалось, что дождя дома не было - он прошёл только над половиной села. Когда я спросил отца, почему так, он ответил: «Велик Божий промысел!»

- Чушь это всё! - только и сказал отчим.

- Чего это чушь? На Новоселице мальчик прошлым летом собирал вишню, ему стало плохо, он сел под дерево и потерял сознание. Брызгали водой - не помогло. Побежали к гадалке. Она рукой по воде поводила и сказала: поздно, он уже мёртвый. Пришли к нему, а он действительно мёртвый, - рассказала мама.

- К врачу надо было мальчика отнести, а не к гадалке бежать, он бы и остался жив! - сказал Панас.

Вообще в селе было много суеверий, и люди часто в это всё верили.

- В селе у двух женщин заболели дети. Они пошли к гадалке - та им сказала покрутить яйцо и бросить в козье молоко с травами. У одной всплыло, а у другой утонуло. Так и вышло: один мальчик выздоровел, а второй умер, - рассказала ещё мама.

- Тьфу! - Панас плюнул на землю.

- Не плюйте на землю, она святая. Мужики потому и живут недолго, что на землю плюют, - сказала мама.

- Мужики недолго живут, потому что их на войне убивают. Давайте о чём-нибудь другом поговорим.

- Дядя Панас, расскажите, что там за комсомольский разбор был в школе? - спросил я.

- Подрались хлопцы с двух деревень, потом был комсомольский разбор. Вот и всё, нечего рассказывать. У нас бывает и село на село с цепями ходит - народная забава. Ты лучше расскажи, что там у вас натворил Мыкола? Он так и не рассказал мне, почему его в школе неделю не было.

- Собирали в школе металлолом. И никого не волнует, где ты его возьмёшь. Ну Мыкола пошёл в колхоз воровать, но не удалось. Тогда он у деда котёл украл, в котором тот брагу держал, и дед его так выпорол, что он неделю ходить в школу не мог, спина болела.

Мне не нравились эти посиделки. Панас часто выспрашивал у меня что-то про одноклассников или других учителей, чтобы потом воспользоваться этой информацией в своих целях. Мне хотелось поскорее уйти к себе. Но не прийти на редкие в нашей жизни угощения из магазина я тоже не мог. «Хорошо, что это не часто бывает», - думал я про себя.

Глава четвёртая. Москва'40

Обучение в нашей школе шло в две смены, в пятый-седьмой классы ходили во вторую. Последние уроки проходили при керосиновых лампах. Библиотека была маленькая - два шкафа, книг мало. Желающих учиться было не так много. Дотягивали до четвёртого класса, а там бросали - дальше учиться было необязательно. После седьмого класса некоторые шли в восьмой на Заречье, в тринадцатую школу, или на Ротку - в десятую. Там надо было нанимать квартиру.

В 1939 году я закончил седьмой класс, но на экзамены не пошёл. Мама сказала, что я маленький, чтобы я ещё раз учился в седьмом классе. Я так и сделал и закончил седьмой класс в 1940 году отличником. Фотографировался два раза на двух выпусках - 39 и 40 годов. Учеников было так много, что нам с Тарасом не хватило места. Мы легли с ним на землю, но он был босой, и его убрали.

Передо мной стал выбор, куда поступать. Я хотел в Московское военное авиационно-техническое училище. Я увлекался авиамоделированием, клеил планеры из дерева, знал наизусть, как устроено крыло и почему самолёт не падает.

Мама считала меня слишком маленьким и слабым, чтобы быть лётчиком. К тому же её брат погиб в авиакатастрофе. Он служил в армии, и к нему приехала в гости девушка. Они договорились пожениться. Когда она села в поезд ехать домой, он не смог её проводить - у него были учения в это утро. Тогда он решил отклониться от курса и, пролетая вдоль поезда, снизился так, чтобы самолёт было видно из окна. Он летел вдоль поезда и «махал» ей крылом. Затем самолёт зацепился крылом за провода и рухнул в лес. Девушка требовала остановить поезд, хотела дёрнуть стоп-кран. Ей не разрешили. Она сошла на следующей станции, вернулась в часть, осталась на похороны, а потом сошла с ума от горя.

Поэтому мать очень боялась самолётов, не поощряла мои занятия авиамоделированием и не хотела, чтобы я был лётчиком. Но я был слишком упрямым, чтобы она могла меня отговорить. И мы поехали в Москву.

Мы остановились у родички, которая жила в ближайшем Подмосковье. Она была головой совхоза. Дом у неё был деревянный, длинный, похожий на барак. На первом этаже - контора, на втором жили дирекция и приезжие агрономы. Мы с мамой спали в углу за шкафом, на раскладушках.

В совхозе заготовляли сено, складывали его в лесу, охраняли от лосей. Мы помогали ей, и один раз даже видели живого лося, а точнее лосиху, которая стояла недалеко от дороги. Она не испугалась шума мотора, когда мы проезжали мимо, и шофёр остановился, чтобы мы могли из кузова посмотреть на чудо природы.

- Почему вы сено ей не даёте? Пусть бы ела, - спросил я.

- Мы же не для них заготавливаем, - ответила тётя. И, помолчав, добавила, как будто объясняла что-то важное: - Если ей дать, она привыкнет. И зимой придёт к людям. А зимой её кто-нибудь застрелит.

В Москве мы побывали на Красной площади, ходили на балет, гуляли в ВДНХ, катались на чёртовом колесе в парке имени Горького. Вечером, уставшие, мы вернулись в барак.

Тётя начала меня расспрашивать про школу, я рассказывал:

- У нас слабые ученики, по часам не каждый может определить. Учитель послал Васыля Терещенко на часы посмотреть, он приходит, а сказать, сколько времени, не может. А меня отец научил! - хвастался я ей.

- Что тебе в Москве больше всего понравилось? - спросила она Олю.

- Магазин с игрушками! - оживилась Оля. - Такого даже в Киеве нет. Там и куклы в нарядных платьях, и заводные машинки, и железная дорога. А у нас в Белой Церкви только

ваньки-встаньки да свистульки. А в селе и того нет - только у старьёвщиков выменять можно. Вон Андрей выменял старые штаны, набитые соломой, на резиновый мяч. Еврей как понял, что его обманули, ругался, гнался за ними, но они убежали!

Мать с укоризной посмотрела на меня, но ругать в гостях не стала. «Ну спасибо, Оля!» - подумал я про себя. «Надеру тебе уши дома!»

- И конфеты тут мне очень нравятся. Я конфеты, как мы из Киева уехали, очень редко ем. Пенка с варенья или смола с вишни - вот и все мои лакомства! - жаловалась Оля.

- Ну что ты говоришь, я же тебе на день рождения покупала торт! - сказала мама.

Я в душе злорадствовал: маме тоже от Оли досталось. Оля продолжала болтать, выдавая семейные секреты и не понимая, что дома её за это по головке не погладят.

- Да в Москве много чего можно купить, но денег не напасёшься. После финской войны продукты здорово подорожали, - сказала тётя.

- Ну они у вас хоть есть, а у нас в селе вообще магазин закрыли, теперь нужно в Белую Церковь на базар ездить каждый раз.

На экзамене было много сильных и умных ребят, у которых были направления от комсомольских организаций. У меня не было ни направления, ни твёрдых знаний - сельская школа их дать не могла.

Аудитория была большая, с высокими окнами. На столе перед экзаменатором лежала стопка билетов, придавленная линейкой, чтобы не разлетелись от сквозняка.

Я взял билет. Прочитал вопросы. Первый я знал. Второй - наполовину. Третий - не знал совсем.

Я сел за парту и взял ручку. Чернильница была полная, и от этого мне почему-то стало ещё тошнее. Я написал первое слово, потом второе. Буквы выходили ровные, красивые - отец научил меня писать с нажимом, с вензелями. Я писал красиво, а в голове было пусто. Я смотрел на третий вопрос и думал: вот сейчас я что-нибудь вспомню, сейчас. Не вспомнилось.

Экзаменатор, немолодой мужчина в очках с толстой оправой, ходил между рядами, заложив руки за спину. Он остановился возле меня, посмотрел на мой лист, постоял и пошёл дальше.

Я сдал лист. Он просмотрел его, не поднимая глаз, потом сказал:

- Свободны.

Я вышел в коридор и сел на подоконник.

Мимо шли ребята с папками, что-то обсуждали, смеялись. Никто не смотрел на меня. За окном был двор училища, плац, какие-то машины, и на плацу строились курсанты - я видел, как они ходили, как блестели на солнце их сапоги. Где-то там, за этими стенами, была Москва, Красная площадь, балет, чёртово колесо. А я сидел на подоконнике и думал: вот и всё. Всё, о чём я мечтал, кончилось, не начавшись. И как теперь смотреть в глаза матери.

Она не сказала мне ни слова упрёка. Только вздохнула и сказала:

- Ну что ж. Поедем домой.

В поезде я всю дорогу смотрел в окно. За окном тянулись поля, перелески, станции с водокачками, и мне казалось, что поезд едет не домой, а куда-то назад, в детство, где у меня ещё был отец и где я ещё не знал, что такое провал.

Мать сидела напротив, сложив руки на коленях, и молчала. Один раз она достала из сумки кусок хлеба, отломила половину и протянула мне.

- Ешь.

- Не хочу.

- Ешь, - сказала она. - Нельзя не есть.

Я взял хлеб и стал жевать. Хлеб был чёрствый, с твёрдой коркой, и мне казалось, что я жую не хлеб, а собственный стыд. Мать смотрела на меня и вдруг сказала, тихо, будто сама себе:

- Ничего. Проживём.
Я кивнул. Горло сжалось так, что я не мог выговорить ни слова.

Глава пятая. Авиационное училище

В конце лета 1940 года я решил с двумя друзьями, Тарасом и Мыколой, поступать в Харьковское авиационное училище. Как раз шёл второй набор - с первого по тридцатое августа.

Матери об этом я не сказал. Вечером написал ей прощальное письмо и сбежал из дома. Письмо получилось коротким. Я сидел над ним дольше, чем над любым школьным сочинением. Начал: «Дорогая мама», - зачеркнул. Написал: «Мама, не волнуйся», - зачеркнул. В конце оставил: «Я поехал поступать в авиационное училище. Не ищи меня. Я вернусь лётчиком». Положил на стол, придавил керосинкой, чтобы не сдуло.

Мы поехали на поезде. У Мыколы в Киеве был дядька, у которого мы собирались заночевать и поужинать. Он был профессором, поэтому мы надеялись и на другую помощь - советом и деньгами. Дядька жил в Липках, в старом доме для научных работников.

Он открыл дверь, посмотрел на нас и расхохотался:

- Вы откуда такие? С кочегарки, что ли?

Мы переглянулись. Рубашки были в саже, лица чёрные, руки липкие. Хоть мы ехали большую часть пути на ступеньках, а не на крыше, но и этого хватило. На крыше пришлось бы ещё хуже.

- Ну-ка, марш в ванную! - скомандовал дядька. - А то весь дом закоптите.

Квартира была большая, с высокими потолками, лепниной и широким коридором. Но больше всего меня поразила ванная.

Своя, отдельная, с горячей водой. Не баня, не корыто в чулане, а настоящая ванна - эмалированная, на львиных лапах, с двумя кранами. Я стоял и смотрел на неё, как на чудо. В селе об этом и мечтать было нечего. Мылись мы по очереди, долго, с наслаждением. Набирали полную ванну горячей воды и отмокали, пока вода не становилась серой. Тарас сказал с завистью:

- Живут же люди!

После ванны нас посадили за стол со всей семьёй: матерью, бабушкой и двумя дочерьми.

Когда его жена узнала, что мы собрались в авиационное училище, она всплеснула руками:

- И вы туда же! Идите лучше на завод. На заводе и платят хорошо, и жильё дадут. Нам сейчас рабочие ох как нужны. - Она помолчала, потом добавила тише: - У меня сын от первого брака, Адольф, на финской погиб. Я хотела отдать его на скрипку, а он захотел на бокс, потом лыжи. Пока срочную служил в Ленинграде, попал на финскую. Убили его там. Как пришла похоронка, я сказала: лучше бы скрипочкой занимался. Зачем ему эти финны?

- Да, особенно если он - немецкий еврей, - усмехнулся профессор.

- А у меня дядька Мусий чуть на финскую не попал, - сказал я. - Служил срочную в Архангельске, уже должен был домой возвращаться - отслужил положенное. Но их мобилизовали. Ждали в Архангельске погрузки на пароход, чтобы высадиться в Финляндии с другой стороны, открыть второй фронт. Но пароход пройти не мог: ледокол пошёл выручать «Седова». А когда ледокол пришёл, дядька пошёл его встречать и даже видел Папанина - тот был в большой меховой шапке. - Я показал руками, какая это была шапка. - Они думали, что теперь их точно на войну повезут, и тут по радио объявили: война с Финляндией кончилась. Они так обрадовались, танцевали, играли на баянах! Вернулся живой, хоть и продержали их до лета.

- Завтра постараюсь купить вам билеты до Харькова и провожу, - пообещал профессор. - А пока можете в кино сходить. Марья Николаевна вас бесплатно пустит. Света, своди мальчиков в кино!

Баба Маша прислуживала за столом как горничная - подкладывала нам ещё и ещё, старалась всех накормить. Она работала контролёром в кинотеатре и могла пропустить своих после трёх звонков.

На следующий день мы пошли в кино. Старшая дочь профессора, Светлана, была чуть старше нас. Она носила берет, её волосы были коротко острижены, губы накрашены помадой. Я не привык к тому, чтобы девушки так выглядели, так стриглись и пользовались косметикой.

В селе нравы были строгие: все следили друг за другом - нужно было со всеми здороваться, бельё развешивать во дворе от маленького к большому, нельзя было через окно или забор на свадьбу смотреть, если не пригласили, иначе прослывёшь злыднем. Девушкам полагалось одеваться скромно и вести себя тихо. Ограничений и предрассудков было множество. На их фоне Светлана и её семья поразили меня своей раскрепощённостью - они жили так, будто этих запретов вовсе не существовало.

Перед сеансом, как обычно, шёл документальный фильм. Мы пришли на десять минут позже, и баба Маша провела нас на свободные места.

- Если вас кто спросит, где билеты, - напутствовала она нас шёпотом, - говорите, что вы от Марьи Николаевны.

Шёл фильм «Освобождение» о вхождении Западной Украины в состав СССР в 1939 году.

После фильма мы пошли гулять по Киеву, и Тарас сказал:

- А я не знал, что сын Ивана Франко просил взять Западную Украину в УРСР.

- А всё-таки хорошо, что народ объединился, - сказала Света.

Я подумал про себя, в ироничном стиле её отца: «Тебе-то что, ты же немецкая еврейка». Но вслух сказал:

- Конечно хорошо.

- У меня дядька участвовал в освобождении Западной Украины. Говорит, им зарплату облигациями давали, то ли пяти-, то ли десятилетними. А они пошли к полякам в магазин и выдали их за советские деньги - сказали: «Вот же написано - сто рублей», и отоварились на всё. Потом поляки пришли в штаб и говорят: «Ваши бойцы нас обманули, давайте деньги». Пришлось руководству отдать, чтобы не позорить Советскую власть. Командир собрал после этого всех, построил и пообещал, что если найдёт, кто сделал - расстреляет, - рассказал Мыкола.

- Не говори плохо про армию! - повысила голос Света.

- Армии сейчас тяжело, вон и немцы себе Польшу забрали, хорошо хоть успели свои земли вернуть! - апеллировал Тарас.

- Не говори плохо про Германию!

- Да твоя Германия вторую половину Польши забрала. Ты что, не поняла?

- У меня мама немецкая коммунистка, у нас дома культ Германии, так что не говори мне плохо про две вещи - про армию и про Германию!

Она вызывала у меня смешанное чувство восторга и отчуждения. Я очень хотел бы встречаться с такой современной, умной девушкой, которая свободно рассуждала на любую тему и была очень непохожа на наших сельских девушек. И при этом чувствовал, что я ей не соответствую - слишком слабый, глупый, некрасивый. Не то что Тарас, который был бойким, умным и физически очень сильным. Он легко мог поддержать с ней разговор, когда я не мог связать и пары слов от стеснения. Вот Мыкола был обычный деревенский парень, но даже с ним она вела себя как-то игриво, чем больно колола моё самолюбие.

До самого вечера мы гуляли по городу. На Крещатике мы зашли в знаменитую кондитерскую «Семадени» с красивыми витринами и стеклянными цилиндрами для соков. Света нас угостила, потому что своих денег у нас не было.

- Раньше сюда только буржуи могли войти и что-то купить, очень дорого было и не пускали простых людей. А теперь можно всем!

- А для меня и сейчас дорого, - засмеялся Мыкола.

Она посмотрела на него с укоризной и продолжила:

- Вон там, - она показала рукой на холм, - был Институт благородных девиц. Туда простых людей не пускали, только дворянок. А теперь там Октябрьский дворец. Раньше ты бы и близко

не подошёл, а теперь - пожалуйста, заходи и учись, если хочешь. А вон там, - она показала в сторону площади, - стояло здание Городской думы. Теперь там обком партии. И ты можешь ходить где захочешь!

Когда мы вернулись домой поздно вечером, нас уже ждала мать Мыколы. Оказывается, дядька дал ей телеграмму ещё вчера. Она отругала нас и на следующий же день забрала домой.

Вторая попытка бежать была уже вдвоём с Тарасом. В назначенное время Мыкола не пришёл - видать, родители стали стеречь его строже. Мы ждали до последнего, но он так и не появился. И мы поехали без него.

До Киева добирались на ступеньках вагонов. Поезд шатало, держаться было тяжело, ветер бил в лицо, швырял в глаза сажу от паровоза, от голода кружилась голова. Но мы ехали. Из Киева с большими трудностями добрались до Харькова. Денег не было совсем - ни на еду, ни на билет. Мы шли и не знали, что нас ждёт впереди.

В Харькове мы подали заявления в авиационное училище. Нас посадили в казарму и поставили на довольствие. Это было спасение: хоть какая-то еда, хоть какая-то крыша над головой. Мы ждали.

И вот результат: документы Тараса взяли, а мои - нет. Я сидел на подоконнике и плакал от обиды. Ко мне подошёл человек в форме и спросил, что случилось. Я рассказал, что хотел поступить в училище, но у меня отказались брать заявление.

- Почему? - спросил он.

- Я думаю, из-за отца. Его репрессировали.

Он помолчал. Посмотрел на меня. Потом сказал коротко:

- Пошли со мной.

Он поговорил с кем-то, показывая на меня. И моё заявление взяли. Я так и не узнал, кто он и почему помог мне.

Первым был экзамен по физкультуре. Меня поставили на вращающееся колесо - вертушку - и начали кружить. Сначала я держался. Потом мне стало плохо, и я попросил остановить. Теперь меня забраковали, и не без причины. А Тарас выдержал все экзамены и поступил. Он был счастлив и не мог сдержать радости, даже глядя на меня.

Денег на обратную дорогу и на еду у меня не было. Я просидел всю ночь под забором училища. Утром Тарас принёс на КПП деньги, которые помогли собрать поступившие товарищи. Больше я его никогда не видел.

Его сбили недалеко от нашего села в 1943 году, над торфяными болотами. Он сильно обгорел и кричал. Приехали немцы на машине, прибежали люди из села. Немецкий офицер открыл кабину, посмотрел на лётчика и застрелил его. О том, что это был Тарас, мне сказала мать Мыколы - она видела у немцев его документы.

По пути домой на одной из станций меня заметил железнодорожник. На нём был белый китель. Он расспросил, кто я и откуда, и до Киева разрешил мне ехать в купейном вагоне - в коридоре, на откидном стуле.

Там я впервые увидел мягкий вагон: в купе стоял умывальник, одна полка шла вдоль окна, другая - поперёк. Мне так понравилось ехать внутри, а не на подножке или на крыше, что я решил поступать в железнодорожный техникум. Кстати, мать и раньше предлагала мне этот техникум - у Панаса там были знакомые. Теперь, когда мечты об авиационном училище окончательно рухнули, я последовал её совету.

Глава шестая. Железнодорожный техникум

Я поступил в железнодорожный техникум на специальность «Материально-техническое снабжение».

Мать вздохнула с облегчением - всё-таки не авиация, не лётчик. Панас сказал, что специальность хорошая: при железной дороге всегда прокормишься. Баба Ганна, которая случайно зашла в тот момент, когда я собирал вещи, поглядела на меня своими чёрными немигающими глазами и сказала:

- В Киеве берегись трамвая...

Я отвернулся, чтобы не смотреть ей в глаза, - как бы не сглазила. Но слово это - «трамвай» - я потом вспоминал часто. И всякий раз, когда на повороте звенел звонок, вздрагивал.

Мама сняла для меня комнату в доме на улице Старая Поляна. Улица была тихая, мощёная булыжником, с низкими домами и вишнёвыми садами за заборами. Хозяйка, пожилая женщина, за квартплату наливала мне чай - чуть тёплый, с каким-то травяным привкусом. Хлеб я покупал сам: девяносто копеек за килограмм, его продавали на вес. Дома мать пекла сама раз в неделю, а тут приходилось покупать. Сахар стоил три пятьдесят - я его не покупал, да и дома мы его покупали очень редко, больше по праздникам.

В школе я всегда был отличником, на хорошем счету. К тому же я был пасынком директора - это много значило. Учителя со мной здоровались, относились хорошо: кто-то сочувствовал из-за отца, кто-то - из-за страха перед Панасом.

А тут я оказался никем. Со стороны учителей я чувствовал отчуждение, они держали дистанцию. Большинство ребят были городские - они хорошо ориентировались в городе, знали, где какие кинотеатры, где можно купить мороженое, куда сводить девушку. Я же чувствовал себя селюком. Друзей завести сразу не удалось, и я страдал от одиночества. Иногда были проблемы с учителями - мелкие замечания, которые я переживал очень остро, потому что привык быть на хорошем счету.

Однажды на занятии нам представили нового преподавателя. Я поднял голову - и узнал его. Это был профессор, тот самый, у которого мы когда-то гостили с Тарасом и Мыколой, отец Светланы.

Во время лекции он подошёл ко мне и спросил:

- Вы почему не пишете? Я спрошу вас на практическом занятии.

Затем он всмотрелся в меня, нахмурился, а потом лицо его прояснилось.

- А, молодой человек! - сказал он. - Вы тот самый... с кочегарки? Ну-ну, после пары зайдите.

На перемене я подошёл к нему. Он расспросил, как я устроился, где живу. Потом пригласил:

- Приходите в воскресенье к нам на ужин. Светлана будет рада.

Я покраснел, поблагодарил. Весь остаток дня я думал о Светлане... Перед моими глазами стоял её образ - с короткими волосами, в берете, с накрашенными губами. Я вспомнил, как мы ходили в кино, спорили про Польшу, армию, Германию. Тарас тогда легко с ней разговаривал, а я больше молчал, потому что боялся сказать что-то не то, показаться глупым. Теперь Тарас был в Харькове, в лётном училище. Я думал о нём с завистью и грустью. А Светлана... Может, теперь, когда рядом нет языкатого Тараса, у меня появится шанс?

В воскресенье я надел свою самую красивую рубашку - синюю, сатиновую, которую мать перед отъездом выстирала и накрахмалила, - и поехал к ним на трамвае.

Дверь открыла Светлана.

- Андрей! - улыбнулась она. - Заходи. Папа рассказывал, что ты теперь в техникуме. Молодец, что пришёл!

На ней было простое шерстяное платье, волосы чуть отросли, но всё так же коротко подстрижены. В прихожей вкусно пахло жареным луком и мясом - густо, по-домашнему, так, что у меня засосало под ложечкой. Я не ел вдоволь с тех пор, как уехал из дома. Обедать в столовой было дорого, а готовить я почти не умел, поэтому часто перебивался и голодал.

Из гостиной доносились голоса. Профессор встретил меня радушно, усадил за стол. За ужином он рассказывал про свою работу. Я слушал и не понимал половины слов - какие-то научные термины, названия институтов. Я спросил его, не понимая своей бестактности:

- А почему вы не в институте преподаёте?

Он хмыкнул, откинулся на спинку стула и хлопнул ладонью по столу:

- О, это целая история! - В глазах его зажглись знакомые искорки, с какими он читал нам лекции. - Слушайте. Я преподавал в институте. А потом произошло одно ЧП, которое перевернуло всё. - Он поднял палец, будто собирался рассказать анекдот, но тут же опустил его и продолжил уже серьёзнее. - Профессор с нашей кафедры, умнейший человек, но рассеянный, как все профессора, нёс домой портфель. В портфеле - секретный документ и бутылка водки: документ - для работы, водка - для души. Идёт он, значит, по улице, никого не трогает. И тут какой-то хулиган выхватывает у него портфель и бросается наутёк. Профессор как заорёт на всю улицу: «Брось портфель! Там секретный документ! Найдут - расстреляют!» Хулиган, надо отдать ему должное, оказался понятливым. Бросил портфель. Но - бах! - бутылка разбилась, и водка залила документ. Пришла комиссия разбираться: как так, почему профессор секреты домой носит? И завертелось. Нашли банду контрреволюционеров и вредителей, приписали к ним нашего профессора. Его расстреляли, часть посадили, остальных разогнали. А я... - Он развёл руками и улыбнулся, но улыбка вышла горькой. - Я после этого только в техникум и смог устроиться. Хорошо, хоть сам не сел!

Он засмеялся - громко, раскатисто, будто рассказал что-то очень весёлое. И только в глазах, где-то на дне, мелькнула и спряталась тень.

- А зачем он взял секреты домой? - спросил я.

- А потому что добряк был. Завкафедры вешал на него всю свою работу, а он молча тянул. Не успевал, вот и брал документы домой - поработать.

Я подумал про отца. Тоже искали оружие, говорили, что он готовил восстание... Потом арест, расстрел... Схожесть судеб поразила меня и сблизила душевно с этими людьми.

- А вы, Андрей, откуда родом? - спросила Мария Николаевна.

Я ответил. Она покивала, спросила про родителей. Я сказал, что мать учительница, отец - директор школы. Про то, что его арестовали, я не стал рассказывать. Неудобно было. Да и страшно. Вдруг об этом станет известно в техникуме? Проблемы в авиационном училище научили меня держать язык за зубами.

После ужина Светлана пошла меня провожать. Мы стояли в прихожей, я оделся и уже вышел на площадку, но она не закрывала дверь, продолжала со мной разговаривать. Для меня это было удивительно, поэтому я осмелел и пригласил её в кино. Она улыбнулась:

- А на какой фильм пойдём?

- На любой. Ты выбирай.

Она засмеялась:

- Так не пойдёт. Надо знать, что смотреть. Вот недавно «Валерий Чкалов» вышел. Смотрел?

- Смотрел.

- Понравилось?

Я пожал плечами. Фильм мне понравился, но смотреть его было больно. Я ведь тоже хотел стать лётчиком.

- А мне очень понравилось, меня даже в кинотеатре укачало, когда у них тренировочный бой был. Кружилось всё так, что у меня аж голова закружилась!

- Скажи, - спросил я её, - ты бы с каким лётчиком полетела? С тем, кто сам лезет в передряги и потом из них выпутывается с опасностью для жизни, или с тем, кто ведёт самолёт ровно и в беду не попадает?

Ни секунды не задумываясь, она почти выкрикнула:

- Конечно с лихачом!

Я удивился:

- Почему?

- Лихач - это характер, а осторожный - это скучно.

Мы оба замолчали. Я обдумывал сказанное ею, так как ассоциировал себя именно со спокойным лётчиком.

- А ты смог бы ради меня что-нибудь безрассудное совершить? - спросила она меня.

Я задумался:

- Наверное. А что надо сделать?

Она засмеялась:

- Не знаю. Как Чкалов - под мостом пролететь!

- Я же не лётчик, - сказал я. - Меня не взяли.

- А кем ты хочешь быть?

- Складским специалистом, - усмехнулся я.

- Складской специалист - это не романтично...

- Так когда мы в кино пойдём? - спросил я.

- Не знаю, позвони мне.

Она достала из кармана маленький блокнот, вырвала из него листок, написала на нём номер телефона, протянула мне и закрыла дверь.

На следующий день я попросил у вахтёрши, сидевшей на входе техникума, позвонить по телефону. Я видел, как ребята просили, и она разрешала им. Но мне она не разрешила. Может, надо было ей что-то дать? Я не знал, спросить было некого, да и у меня нечего было ей дать.

Пришлось идти на почту. Там в окошко я заплатил гривенник и прошёл в кабинку. Набирая номер, я боялся, что трубку возьмёт отец или мать. Но трубку взяла Светлана.

- Алло?

- Света, это Андрей.

Тишина. Я слышал только шорох в трубке и своё дыхание. Потом она сказала:

- Не слышно!

Я повторил громче. Опять тишина. Потом она произнесла с раздражением:

- Кто это балуется? Я сейчас положу трубку!

И тут женщина-телефонистка крикнула мне из окошка:

- Чтобы начать говорить, нажмите кнопку на аппарате!

Я нажал на кнопку. Что-то щёлкнуло, было слышно, как монета провалилась внутрь аппарата.

- Алло, Света? Слышно?

- А, Андрей! Слышно. Ты чего молчал?

- Я не знал, что кнопку нажимать надо.

- Ты откуда звонишь?

- С почты.

- С почты? - удивилась она. - А почему не из техникума?

- Не разрешили.

Она засмеялась. Голос у неё в трубке был другой - ближе, теплее, чем в жизни.

- Ты зачем звонишь?

Я замялся. Хотел договориться о походе в кино, думал, что она понимает, зачем я звоню, и теперь не знал, что сказать. В горле пересохло, ладонь вспотела, и трубка стала скользкой.

- Может, в кино сходим? - выдавил я наконец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.